

Э.А. Гордиенко
(Санкт-Петербург)

Никольский собор на Ярославовом дворище – памятник становления новгородской государственности

В 1113 году, спустя десять лет после основания домовый церкви Благовещения на Городище, Мстислав Владимирович начинает строительство Никольского собора на месте древней княжеской резиденции, основанной по преданию еще Ярославом Мудрым (рис. 1)¹.

Возведение храма в центре экономической и политической жизни города было актом политической воли князя, заявлявшего о себе как о первом лице властной системы. Со всей очевидностью намерения Мстислава отразились в декларативном принятии местных архитектурных особенностей, органично соединенных с принципами киевского зодчества. Согласно принятому мнению, Никольский собор строил мастер Петр, создатель церкви Благовещения на Городище и позднее Георгиевского собора в Юрьевом монастыре.

Образом для воплощения поставленной цели послужил Софийский собор². Его высота и пятиглавие стали основой конструктивного замысла собора. Поднявшись на 10,8 м, его хоры расположились там, где в киевских храмах уже завершались своды. Возведение высоких стен повлекло за собой возникновение между двумя рядами окон большого массива, заполненного со стороны алтаря ярусом декоративных двухступчатых ниш. На стенах северного и южного фасадов появились тогда неизвестные на юге парные окна. Образовавшиеся дополнительные горизонтальные ряды окон и ниш создавали мерность опоясывающего движения и в некоторой мере снимали впечатление общей высотности здания. Между тем удлиненные вертикали определили характер внутреннего пространства, которое при относительно малой ширине нефов и приравненной к размерам Софии толщине стен и столбов «испытывает» необходимость стремления вверх, отвечая духовному восторгу молящихся.

Рис. 1. Общий вид Никольского собора.

Воспринимая конструктивные принципы Софийского собора, князь и зодчий демонстрировали свою причастность к понятиям, образам, обычаям и нравам города. Вместе с тем, перенимая важнейшие принципы новгородской архитектуры XI века, князь и следовавший его воле зодчий «приживляли» на ее древнем корне формы, характер которых отражал изменения в расстановке сил в социально-политической жизни.

Два величественных собора, Софийский и Никольский, расположившись по берегам Волхова на двух сторонах города, представляли собой два символа власти, преемственность ее начальных основ и дальнейшее развитие неповторимой в своих особенностях новгородской государственности.

В этом контексте может быть объяснено и отсутствие лестничного хода на хоры, присущего ранней киевской и новгородской архитектуре. В Никольском соборе ход на хоры осуществлялся через дверной проем в верхнем ярусе западного прясла на южной стене нартекса. Выход оттуда по переходу вел в княжескую палату и через ворота в нижнем ярусе на княжий двор, располагавшийся с южной стороны собора. В 2007 году на этой стороне храма были открыты валунные фундаменты обширной древней постройки³. Не являются ли они частью княжеского дворца, представлявшего со-

бой архитектурный ансамбль, состоявший из жилого терема и дополнительных зданий с переходами? На прилегающей к собору территории свободно разместились бы подобные сооружения, снабженные, как показывают археологические раскопки 1940-х годов, развитой сетью водоотводов. Это мог быть дворцовый ансамбль, подобный тому, который позднее князь Андрей Юрьевич в своем Боголюбове строил с 1158 года до конца своих дней⁴.

Однако в подобной структуре зданий неясна богослужебная функция хор, полностью изолированных от внутреннего церковного пространства. Если князь, его семья и дружина во время богослужения находились на хорах, то для совершения причастия они должны были вернуться во дворец и уже оттуда вновь войти в храм, где довольно продолжительное время их ожидали клир и верующие. По правилам традиционного церемониала подобный порядок был недопустим.

Согласно придворному уставу Константина Багрянородного (913–959) верхние компартименты храма всегда составляли обособленную часть храма и в силу удаленности от алтаря не были непосредственно включены в литургическое действие⁵.

Прямой ход во дворец и полная изолированность хор Никольского собора означает, эта часть храма принадлежала князю. Там, когда не ходил к причастию, он слушал Евангелие и ектению. На хорах могли устраиваться приемы важных гостей, проходить заседания смесного суда и духовного синклита, здесь же могла помещаться канцелярия и небольшая книгохранильница.

Отсутствие лестничной башни в Никольском соборе, возможно, объясняется и желанием князя стоять во время службы в одном ряду с горожанами. Мстислав как будто следовал завету своего отца, писавшего в Поучении к сыну: «Паче всего гордости не имейте в сердци и в уме, но рцем: смертнии есмы днесь живи, а заутра в гробь; се все, чт[о] ны еси вдаль, не наше, но Твое, поручил ны еси на мало дни»⁶, что между тем не мешало князю на тот момент значительно удалиться от двоевластия.

Лестничный ход на хоры был устроен позднее, когда стало очевидно функциональное неудобство полной изолированности, и лестница была «вписана» в основное пространство⁷. Переустройство храма, возможно, началось еще при Всеволоде Мстиславиче,

но, скорее всего, состоялось уже при черниговском князе Святославе Ольговиче, когда 5 декабря 1138 года собор был освящен «великим священством» в канун зимнего дня святителя Николы⁸.

Настаивая на приоритете княжеской власти, Мстислав выступал также и с позиции полководца. Еще в 1096/97 году вместе с горожанами и новгородским воеводой Добрыней Рагуиловичем под стягом Владимира он отразил захватнический поход на Муром князя Олега Святославича, главного врага старших Мономаховичей. Тогда в битве на Кулачице погиб брат Мстислава Изяслав, похороненный позднее в Софийском соборе, в аркосолии Иоанно-Предтеческого придела⁹.

Но самый знаменитый военный поход русских состоялся в 1111 году. Инициатором его был Владимир Мономах, убедивший великого князя Святополка Изяславича не медлить и защитить от половцев смерда, его дом и семью. В походе к Дону, на Сугров и Шарукань принял участие и смоленский князь Давыд Святославич. Князья пришли со своими сыновьями.

Одержатъ победу русским помог Бог и все силы небесные. После первого боя наутро было Благовещение, совпавшее с Лазаревой субботой, а на следующий день половцы выступили вновь, и в «лютой брани» враги падали перед стягом Владимира от невидимого ангельского меча. Победу в войне с половцами современники сравнивали с ветхозаветным сражением Иисуса Навина, и, по словам летописца, великая слава о русских воинах дошла тогда «до Греков и Угром, и Ляхом, и Чехом, дондеже и до Рима...»¹⁰. Это великое событие воспринималось русскими людьми как последняя схватка сил добра с прислужниками антихриста, как сугубое исполнение христианского долга. И еще сто лет вспоминали поход 1111 года, когда Владимир Мономах «пил золотым шеломом Дон» и погубил «поганые измаильтяне».

Не исключено, что в память об этом великом событии в росписи Никольского собора, на восточном склоне южного светового прохода между алтарем и диаконником появилось изображение воскресшего Лазаря, епископа Кипрского, на день которого пришелся решающий перелом в битве 1111 года (рис. 2). Располагающийся на противоположной стороне арки победный крест, Никитрион, раскрывает смысл этого изображения (рис. 3).

Рис. 2. Церковь Благовещения на Городище. План. 1103 г.

Рис. 3. Большой массив стен между двумя рядами окон и ярусом декоративных двухступчатых ниш.

На арочных склонах противоположного прохода был изображен еще один святитель и напротив него – Никитрион (рис. 4). По остаткам надписи святителя отождествляют с патриархом Германом († 740), память которого по месяцеслову приходится на 12 мая¹¹. В этот день в 1113 году сын Святополка Изяславича Ярослав ходил на ятвягов и одержал большую победу. Тогда же вместе с войском он пришел в Новгород и взял в жены дочь Мстислава¹².

Рис. 4. Южный фасад Никольского собора.

Последовательность и очевидная зависимость столь замечательных событий позволяет предположить, что святители Лазарь и Герман составляли единую композицию в память о великих бит-

вах. С одной стороны, их изображения завершали алтарный святительский чин, а с другой – они открывали военную тему храмового посвящения.

Небольшие военные кампании, как и поход Мстислава на Очелу в 1111 году, победа над Чудью на Бору в 1113 году¹³, также были зачтены в ратный список князя, и Никольский собор на Ярославовом дворище мыслился как храм воинской славы.

Начало созидания Никольского собора совпало с еще одним знаменательным событием. 20 мая 1113 года Владимир Мономах взошел на великокняжеский киевский престол¹⁴. Очевидно, не случайно в Ипатьевской летописи известия о вступлении Владимира Мономаха на престол и о закладке Никольского собора «у Торговища в Новгороде» следуют одно за другим, позволяя видеть в этих событиях закономерность, обусловленную их государственным значением, в котором осознавалась преемственность и зависимость от великокняжеской власти.

Собор на Ярославовом дворище был древнейшим Никольским храмом на Руси. И одним из побудительных мотивов его создания могла быть память о матери Мстислава Гиде, положившей начало почитанию святителя Николы в Новгороде. От первоначального убранства храма сохранилась круглая икона Святителя Николы, с которой связана легенда об исцелении князя Мстислава и которая стала одним из первых почитаемых новгородских образов (рис. 5). Поздние поновления иконы свидетельствуют о долгой жизни иконы. Первоначально она служила храмовым образом и могла помещаться в киоте на одном из предалтарных столбов. В конце XVI века ее заменила другая круглая икона, также сильно поновленная¹⁵.

Уникальная форма иконы восходила к античной традиции лавротона, изображению образа героя «на щите». В христианской культуре это значение перешло на образ святого, наделенного божественной благодатью и выполнявшего героическую роль спасения верующих от врагов видимых и невидимых.

Возвышение культа святителя Николы, заступника города, происходит в XIV века. Начало было положено сооружением церкви святителя на Липне в 1292 году, возведенной, согласно Новгородской третьей летописи (НЗЛ), велением архиепископа Климен-

та через 180 лет после «приплытия святого образа». Как убедительно аргументирует А.А. Гиппиус, подобные действия отвечали традиции почитания древних реликвий на Руси¹⁶.

Возвращение к иконе Николы как образу победителя приобрело особое значение в связи с создавшейся обстановкой на литовских рубежах. В 1390–1400-х годах при архиепископе Иоанне II основывается несколько Никольских монастырей: в Сокольниках (1389), в конце Чудинцевой улицы («с поля»), (1390), в Перекомском монастыре на Веренде (1407), в Мостищах (1412), на Холопьем Городке (1417), в Ксенофонтовой пустыни (1418). Охранительную роль продолжали исполнять и старые монастыри: Никольский Островной на реке Вишере и Николо-Лядский неподалеку от Нередицы. Все они окружили Новгород оборонительным кольцом («щитом»!)¹⁷.

В 1116 году Мстислав расширил старый деревянный кремль, создал «Новгород, более первого», поставленного еще при Владимире Ярославиче в 1044 году и сгоревшего в 1096 году¹⁸. Строительством новой цитадели князь энергично продвинулся на Софийскую сторону и, заключив в ее стенах древнюю крепость, заложил с западной стороны надежное городское укрепление. По мнению В.Л. Янина, тогда же мог быть поставлен первый мост через Волхов, сооружение которого имело не только практическое, но и социально-политическое значение, сблизившее городские стороны.

В 1116 году был заложен каменный город и в Ладоге. Строительством крепости руководил посадник Павел, но инициатором был князь¹⁹. Освоение территории, где сходились интересы скандинавов и русских, имело важное стратегическое значение, позволяя контролировать балтийское мореплавание и развивать торговлю с Западом.

Собственное участие Мстислава в строительстве Новгорода ограничивается тремя деяниями. Но в его монументальных, исполненных государственного значения творениях в полной мере осознается его главенствующая роль в формировании новгородского общества. Священные дары Мстислава возвеличили Новгород и навсегда остались в его истории.

В 1117 году Мстислав был отозван Владимиром Мономахом на белгородское княжение, и новгородский престол был ос-

тавлен сыну Всеволоду, правление которого вначале проходило успешно и благополучно²⁰. Но в 1132 году, нарушив крестное целование оставаться до смерти в Новгороде, он повелением занимавшего киевский стол дяди Ярополка Владимировича ушел в Переяславль. Всеволод был сразу же изгнан оттуда Юрием Долгоруким и возвратился в Новгород, где возникла «встань великая» по поводу безответственного поведения князя. Новгородцы, псковичи и ладожане прогнали Всеволода, но, одумавшись, сразу возвратили его. В 1136 году, Всеволод после предъявления был окончательно изгнан²¹. Поводом для такого решения послужило и нарушение клятвы, и тяжелое поражение в битве при Ждане горе в 1134 году, и еще другие вины. Но причина, скорее всего, крылась в изменении политической обстановки и новом распределении властных сил, поставивших княжеское управление под контроль боярских республиканских органов. Не исключено, что собрания горожан вместе с псковичами и ладожанами проходили на княжем дворе, у южной стены Никольского собора, ставшего местом постоянных городских собраний. Одно из них, 1219 года, особенно ярко отразило настроение общества, восставшего против суздальского князя Ярослава Всеволодовича. Стоявшее твердо за посадника Твердислава, инициатора сплочения боярских групп, державшегося независимой линии и разумных компромиссов, вече «бушевало» в течение недели. Политические итоги этой борьбы сказались в укреплении независимых позиций по отношению к княжеской власти, хотя разобщенность боярских партий никогда не была побеждена²².

В 1270 году возник мятеж против сына Ярослава. И вновь «созвонили» вече у Николы и стали громить дома сторонников князя, а самому Ярославу Ярославичу послали грамоту на Городище, в которой «исписали»: «...а ныне, княже, не можем терпети твоего насилья, поеди от нас, а мы собе князя промыслим»²³.

К тому времени князь уже давно не жил на Ярославовом дворе, переместившись в старое и более безопасное родовое гнездо на Городище, и княжеский Никольский собор стал центром оживленной городской жизни, церковью Николы на Торгу, на Торговище.

Никольский собор, стоявший на водном пути из Москвы, не раз встречал именитых гостей. Но, может быть, одним из самых

памятных было возвращение в 1404 году архиепископа Иоанна, яростного противника московских покушений на самостоятельность Новгорода. В 1401 году он был вызван митрополитом Киприаном в Москву и на три года задержан в почетном заточении. У «святого Николы на Ярославле дворе» возвратившегося владыку, отстоявшего право независимого духовного суда, встречал весь Новгород²⁴, и нетрудно представить, какая торжественная служба в его честь состоялась тогда в древнем храме.

¹ НПЛ. С. 20, 204.

² *Штендер Г.М.* Архитектура Новгородской земли XI–XIII веков: Автореф. дис. Л., 1984. С. 6–8; *Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. М., 1987. С. 299–305.

³ *Дружинин В.А.* Николо-Дворищенский собор // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2008. С. 194, 196.

⁴ *Воронин Н.Н.* Зодчество северо-восточной Руси XII–XV веков. Т. 1: Зодчество XII века. М., 1961. С. 201–261.

⁵ *Беляев Д.Ф.* ВYZANTINA: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. 2. Ежедневные воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм Св. Софии в IX–X вв. СПб., 1893. С. 48–50, 127–145, 163–177.

⁶ *Карпов А.Ю.* Великий Владимир Мономах. М., 2006. С. 75, 83–84.

⁷ Дружинин В.А. Николо-Дворищенский собор... С. 194.

⁸ НПЛ. С. 24, 209.

⁹ НПЛ. С. 19, 202; ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 127–128; М.; Л. 1949. Т. 25. С. 18; *Штендер Г.М.* К вопросу о галереях Софии Новгородской (по материалам археологического исследования северо-западной части здания // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1982. Вып. 2. С. 19, 21; Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 153–157.

¹⁰ ПСРЛ. М., 2000. Т. 2. Стб. 265–273.

¹¹ *Царевская Т.Ю.* Николо-Дворищенский собор // Монументальная живопись Великого Новгорода: Конец XI – первая четверть XII века. СПб., 2004. С. 475–476.

¹² НПЛ. С. 20, 203–204.

¹³ Там же.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 274–277; Карпов А.Ю. Великий Владимир Мономах... С. 68.

¹⁵ *Гордиенко Э.А.* Новгородские иконы святителя Николы на круглой доске // НИС. СПб., 2008. Вып. 11 (21). С. 82–97.

¹⁶ *Gippius A.* Millennialism and the Jubilee Tradition In Early Rus' History and Historiography // *Rutenica*. Київ, 2002. С163.

¹⁷ *Петрова Л.И., Анкудинов И.Ю., Попов В.А., Силаева Т.В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // *НИС*. СПб., Вып. 8. С. 102–103, 108–110, 141, 143, 153–155: ПСРЛ. СПб., 1899. Т. 16. Стб. 164.

¹⁸ *НПЛ*. С. 20, 204.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 22–23, 24, 207, 209.

²² Там же. С. 60, 261.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 396–398.